

САЛАМАТОВА Ольга Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 30 публикаций, в т. ч. одной монографии (в соавт.)

ТЕОРИЯ ОБЩЕГО БЛАГА В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОГО ЗАКОНА О БЕДНЫХ 1601 года

В статье рассматривается значение теории общего блага в идеологическом контексте английского Закона о бедных 1601 года. Анализ работ XVI и первой половины XVII века показывает единство авторов в признании регулирующей роли государства в социальной сфере и обнаруживает устойчивость традиционной трактовки общего блага в условиях роста королевской прерогативы. Для продвижения закона в жизнь правительство ранних Стюартов в кризисные периоды вынуждено было использовать альтернативные концепции общего блага. Автор заключает, что в вопросах социальной политики теория общего блага стала полем идеологического компромисса.

Ключевые слова: Англия, идеология, теория общего блага, бедность, социальная политика.

В основе Закона о бедных, принятом английским парламентом в 1601 году, лежала идея, что благотворительность является обязанностью каждого владельца собственности в приходе. Принятие закона свидетельствовало о том, что корона и широкие круги дворянства в лице парламента пришли к консенсусу относительно способов регулирования проблем, вызванных чрезвычайным ростом бедности в обществе – явления характерного для всех стран Западной Европы в XVI–XVII веках. Акт 1601 года предписывал ввести в каждом приходе регулярный налог в помощь местным нуждающимся, обязательное призрение сирот, престарелых, увечных, найм в ученики детей бедняков

и обеспечение бедных работой. Он не был единственной составляющей законодательства о бедных. Статут 1609 года требовал создания исправительных домов в каждом графстве, наказание бродяг и мошенников. Дисциплинарная сторона поддерживалась также законами против пьянства, профанации воскресенья, богохульства, прелюбодеяний. В неурожайные годы и в период торговых кризисов объем помощи по требованию правительства значительно увеличивался. Реализация этой политики должна была опираться либо на согласие общества терпеть издержки в пользу бедных, либо на принуждение к ним, так как мероприятия обеспечивались в основном за счет

местных налогов. Проведение социальной политики на местах зависело от деятельности неоплачиваемых чиновников из числа мелкого и среднего дворянства, состоятельных сельских жителей и горожан – мировых судей, младших констеблей, церковных старост, попечителей о бедных. Их лояльность имела исключительную важность для эффективности законов.

Само по себе милосердие как главная христианская добродетель не требовало обоснования для англичан XVII века. Обоснования требовали его неизбежность и право государства на принуждение к милосердию. Какие представления современников – тех, кто определял линию правительства, и тех, кто должен был ей следовать – служили идеологической основой для принуждения к обязательной помощи бедным в период ввода статута 1601 года? В данной работе предпринята попытка определить, какое место в идеологическом контексте закона о бедных занимала теория общего блага.

Выработка законодательства о бедных осуществлялась при взаимодействии двух основных сил – Тайного Совета и пуританских групп влияния в центре и на местах. Правительственная и пуританская риторика помощи бедным серьезно различались. Правительство опиралось на теорию общего блага. Пуритане в обосновании помощи бедным исходили из библейских идей: «Разве только не будет у тебя нищего...» (Втор. 15:4) и «Блажен, кто опекает нищего и убогого, в день лютой избавит его Господь» (Пс. 40). Репрессивная часть законодательства также трактовалась различным образом. Статут 1609 года рассматривал работные дома как исправительные заведения. Отношение пуритан к недостойным категориям бедных было намного более жестким – как к закоренелым грешникам, сознательно пренебрегшим своим божественным призванием и спасением души. Степень влияния религиозной и светской идеологии на переход к новой социальной политике стала предметом историографических дискуссий во второй половине XX века.

Изучение роли восприятий и идеологии в формировании системы социального благосо-

стояния в Англии XVI–XVII веков началось с работ Р. Тоуни, отмечавшего роль пуританского влияния и «духа капитализма» в переходе от традиционного неразборчивого милосердия к рациональной помощи и дисциплине работных домов¹. В 50-е годы У.К. Джордан в работе о филантропии подтвердил тезис об определяющей роли пуританизма в изменении подхода к бедности². В 70-е годы Д. Левайн и К. Райтсон перенесли вопрос о восприятии бедности с общих рассуждений на локальную почву и исследовали его на примере отношений эссекской деревни Терлинг³. По мнению авторов, пуританское восприятие бедности как праздности и беспорядка отражалось на интерпретации законов и фактически превращало бедных общины в девиантную группу. Эта работа показала актуальность идеологического контекста и привлекла внимание историков к его исследованию. В последующие десятилетия вышли десятки работ по «политикам» в отношении бедных в приходях, сельских и городских общинах Англии XVI–XVII веков, где историки старались выявить влияние религиозного и культурного компонентов на институциональное оформление помощи бедным на локальном уровне и объяснить его разнообразие⁴.

Обращение к локальным практикам перенесло акцент с «центральной», правительственной, идеологии на индивидуальные и корпоративные понятия и системы убеждений и бросило вызов историкам, подчеркивающим значение идей христианского гуманизма и теории общего блага в оформлении законодательства о бедных. Фундаментальный вклад в новое прочтение идеологической истории социальной политики внес П. Слэк. Если в статье, посвященной проблеме бедности в Солсбери, он подчеркивал влияние социально-экономических факторов на политику магистрата, то в дальнейших его трудах роль идей и убеждений становилась все более рельефной⁵. «Центральные» идеи и восприятия играли решающую роль в формировании законодательства и политики на национальном уровне, а местные практики и эксперименты адаптировали требования, исхо-

дящие из центра. В работе 1999 года роль «идеологий» в этом процессе превалирует уже не только над местным опытом, но и над воздействием социальных и экономических реалий⁶.

В целом исследования последних десятилетий показали исключительную важность как индивидуальных восприятий, так и общественных ценностей. Как заметил Р. Ютте, «базовые принципы и программы всякой системы помощи бедным отражают ценности общества, в котором функционирует данная система»⁷.

У истока политики социального регулирования стояла идея христианского гуманизма об ответственности правителей за благосостояние подданных, выраженная в работах Х.Л. Вивеса, Эразма, Т. Мора на рубеже XV–XVI веков. В дальнейшем эта политика развивалась под воздействием светских и религиозных (преимущественно пуританского) учений, и к началу XVII века интеллектуальная работа по формулированию принципов социального обеспечения была в основном завершена. Светской основой политики Тюдоров и ранних Стюартов стала теория общего блага, имевшая разные варианты трактовки на протяжении XVI – первой половины XVII века.

Учение об «истинном и надлежащем государстве общего блага» возникло благодаря работам авторов первой половины XVI века: Т. Мора, Т. Старки, Р. Кроули, Дж. Хейлза. Они считали возможным создать в Англии идеальное общество, где интересы различных групп гармонично сочетались бы и регулировались с помощью законов в целях общего благоденствия. Для этого следовало ограничить расточительство и праздность, алчность и соперничество, уничтожить бедность и обеспечить все нужное для человеческой природы. Частные интересы не должны были наносить ущерб другим людям и общему благу в целом, поэтому, по мнению Кроули, людям не следовало думать, что у них есть право поступать со своей собственностью, как им заблагорассудится⁸. Подобный взгляд не соответствовал тенденциям экономического развития, и к 60-м годам XVI века утопичность теории стала очевидной.

Тем не менее риторика общего блага настолько подходила для политической линии правительства, что стала скрепляющим материалом фундамента официальной идеологии. Идея общего блага обосновывала усиление роли государства в социальной и других сферах общественной жизни.

В интерпретациях причин приверженности Тюдоров и Стюартов риторике общего блага существуют различия. Есть тенденция рассматривать ее с позиции «частичной» (или, лучше сказать, «частной») концепции идеологии Карла Мангейма – как своего рода пропагандистскую мистификацию, осуществляемую элитой, с целью поддержания социального порядка⁹. Например, Й. Арчер в исследовании о Лондоне эпохи Елизаветы доказывает, что риторика верхов метрополиса в период кризиса 90-х годов XVI века, вызванного серией неурожайных лет, была направлена как на людей «среднего сорта», чтобы склонить их к благотворительности, так и на бедных, дабы убедить их, что делается все возможное для исправления ситуации. С. Хиндл, рассматривая правительственные агитационные кампании за благотворительность того же периода, подчеркивает политические мотивы – желание елизаветинского режима, облегчая страдания бедных, обосновать прерогативы королевской власти¹⁰. П. Слэк, с одной стороны, поддерживает этот подход и особо указывает на постепенную замену в правление ранних Стюартов понятия «общее благо» (*common weal, commonwealth* или *common good*) на «общественное благо» (*public good* или *public weal*), в оригинальном контексте воспринимавшемся как «общественное здоровье». Тем самым представление об английском государстве как о гражданском сообществе заменялось неопределенной концепцией общественной пользы ради блага государства. С другой стороны, Слэк считает, что именно после кризисов 90-х годов XVI века и начала 30-х годов XVII века были опубликованы несколько наиболее сильных работ, защищающих традиционную концепцию общего блага, и допускает, что в социальной риторике

правительства Якова I было больше искренности, чем полагают некоторые историки¹¹.

Действительно, у теории общего блага было много сильных защитников, таких, например, как Фрэнсис Бэкон. С начала 90-х годов XVI века он участвовал в разработке биллей в интересах общего блага и, уже будучи лордом-канцлером, подготовил в 1621 году проект создания «комиссий общего блага», который нашел частичное воплощение в начале 30-х годов XVII века. В то же время при обращении к источникам конца XVI века и далее мы видим многочисленные вариации из *weal, wealth, good* в сочетании с *common* и *public*, что отражает отсутствие какой-либо согласованной теоретической модели на уровне Тайного Совета и парламента, уже готового противостоять расширявшимся королевским прерогативам. При таком разнообразии идеологического контекста возникает вопрос, какие концепции могли обеспечить для сторонников и противников прерогативного патернализма общую платформу в отношении проблемы бедности?

Идея регулирующей роли государства и общественного долга индивидуума в той или иной степени присутствовала у всех авторов XVI века, но особый интерес в этом смысле представляют идеи Джона Хейлза и Томаса Смита, в отличие от других писателей того времени положительно относившихся к стремлению человека к личной выгоде. Эта позиция наиболее соответствовала структурным изменениям английского общества, поэтому их идеи о правительстве как арбитре общих интересов имели большое влияние и в эпоху ранних Стюартов.

Хейлз и Смит были современниками и занимались политической деятельностью в правление Эдуарда VI и Елизаветы I. Джон Хейлз был членом парламента и Комиссии 1549 года по расследованию огораживаний. Томас Смит занимал должность государственного секретаря и выполнял дипломатические поручения. Исследователи рассматривают Хейлза и Смита как наиболее вероятных кандидатов на авторство в отношении известного сочинения «*A Discourse of the Common Weal of this Realm*

of England», написанного в форме диалогов между представителями различных сословий английского общества. Этот труд был создан около 1549 года, но издан только в 1581 году, когда Хейлза и Смита уже не было в живых.

Предметом диалогов являются главные беды того времени – голод, рост цен, огораживания и истощение казны. Три из них непосредственно касаются проблемы бедности. Автор ни в одном из диалогов не говорит прямо о прерогативах королевской власти. Более того, он считает, что невозможно исправить положение с помощью принуждения, через законы, вводящие тяжелые штрафы и наказания для огораживателей, торговцев и продавцов зерна. Каждый человек стремится к выгоде. Если убрать условия для ее появления, «какой человек будет пахать или вскапывать землю, или упражняться в ручном ремесле, требующем больших усилий? Или кто предпримет путешествие за моря ради какого-либо товара? Или примется за какое-то занятие, которое должно представлять [для него] риск или опасность?..»¹² Исправить ситуацию может только правильная экономическая политика, которая создаст благоприятные условия для земледелия и промышленности с помощью гибкого налогообложения и таможенных пошлин, свободы продажи зерна на внутреннем рынке, повышения стоимости монеты и т. д. Таким образом, государство ради общего блага должно осуществлять экономическое регулирование. Необходимость регулирования подтверждается аргументами религиозного и светского характера. Во-первых, в одном из начальных пассажей автор развивает тему милосердия: отличием человека, несущего в себе образ Божий, от животного является его обязанность делать добро другим людям¹³. Во-вторых, весь первый диалог наполнен жалобами представителей разных слоев общества друг на друга как на виновников дороговизны, огораживаний и несправедливостей. Его содержание подразумевало невозможность достижения благоденствия без арбитража государства.

Хотя в названии сочинения «общее благо» и «королевство» разъединены, автор восприни-

мает Англию как *commonweal*. «Государство» и «общее благо» для него слиты в одно понятие, которое является абсолютной ценностью, несмотря на лояльное отношение автора к жажде обогащения. Ценность «общего блага» не подлежит сомнению ни для подданного («никто не может злоупотреблять своей собственностью в ущерб общему благу...»), ни для государя («ни один союз не должен поддерживаться, если он не для общего блага»). Автор ссылается на трактат Цицерона «Об обязанностях»: «Мы рождаемся не для себя, но частью для пользы нашей стране, нашим родителям, нашим родственникам, частью для наших друзей и соседей, и, следовательно, нам естественным образом привиты все добродетели, назначение которых делать добро другим...»¹⁴.

У Дж. Хейлза и Т. Смита есть также сочинения, в авторстве которых невозможно сомневаться. В 1549 году Джон Хейлз написал работу под названием «Защита Джона Хейлза против клеветы и ложных доносов, сделанных на него». Как член Комиссии по огораживаниям, Хейлз участвовал в расследованиях злоупотреблений в графстве Сомерсет и нажил много врагов, защищая интересы пострадавших. Язык «Защиты» далек от показательной мудрости «Дискурса». Хейлз лаконично и ярко обозначает собственную позицию и местами переносит читателя в гущу конфликтов 1549 года, предоставляя возможность слышать отдельные голоса из толпы. «Защита Джона Хейлза» фактически является защитой общего блага и королевских прерогатив по его осуществлению: никто, ни богатые, ни бедные, ни по какой причине не имеют права восставать против королевской власти¹⁵. В «Защите» можно услышать в отраженном виде голоса тех, на кого была направлена риторика общего блага – джентльменов и крупных арендаторов, представших перед Комиссией. В своих заявлениях они воспроизводили принципы общего блага настолько точно, что не остается сомнений в их близком знакомстве с предметом: «...Если на то воля короля или если предполагается, что для пользы общему благу я не должен иметь более одной фермы, я всей ду-

шой буду рад отказаться от остальных. Бог запретил, чтобы я наносил ущерб общему благу, и [Бог] позволил любую вещь, которую желал бы предпринять король, посредством коей легко можно будет проявить доброту и смирение [человеческой] натуры». Впрочем, по мнению Хейлза, они лицемерили, и некоторые, получив прощение, продолжили огораживания, рассматривая действия Комиссии как «кратковременный шторм». Сам Хейлз внес в парламент три билля для исправления злоупотреблений, но они не прошли обсуждения¹⁶.

Наиболее известной работой Т. Смита является «*De Republica Anglorum*», опубликованная в 1583 году Смит рассматривал *common wealth* не в рамках государственных институтов власти, а как «общество или общее дело множества свободных людей собранных вместе и объединенных между собой общим договором или соглашением для сохранения себя как в мире, так и в войне». Королевская власть занимает в этом трактате более скромное место, чем в «Защите» Хейлза. Абсолютная власть возможна только в военное время, поскольку в мирное время она неумолимо превращается в тиранию. Но Смит также считал законы, принимаемые той «частью общества, которая управляет», справедливыми и обязательными для всех, так как интерес правительства совпадает с интересами граждан и нацелен на общую выгоду¹⁷. Он высказывал тревогу по поводу роста бродяжничества и социальных преступлений, упадка городов и считал необходимым социальное регулирование со стороны правительства для сохранения порядка и стабильности. Пятнадцать последующих переизданий работы Смита показывают, что теория «общего блага» была не просто учением, удобным для расширения границ королевской прерогативы, но и учением, отвечающим общественным настроениям.

С воцарением Стюартов, претендовавших на абсолютную власть, понятие *common weal* как особого гражданского сообщества стало вытесняться из официальной сферы и заменяться более нейтральным *public good*. Эти явления нашли отражение в публицистической и

научной литературе, посвященной социальным и экономическим проблемам. Старые идеи оделись в новые одежды, но не затмил ли блеск королевской мощи их содержание, рассчитанное по сути на гражданскую позицию, и не притупил ли восприимчивость высших и средних слоев общества к социальной риторике?

В поиске ответа на данный вопрос целесообразно обратиться к работам двух выдающихся английских экономистов – Джерарда де Малинеса и Томаса Мана. Они имели значительный опыт коммерческой деятельности, были близки к правительственным кругам, но являлись оппонентами по ряду экономических проблем, прежде всего по вопросам денежной политики правительства. В работах, написанных в период торговых и зерновых кризисов начала второй и третьей декады XVII века эти авторы продолжили развитие темы регулирующей роли государства в социальной политике. Их идеи можно рассматривать как реакцию предпринимательских кругов на социальную риторику раннестюартовского правительства и одновременно как способы интерпретации официальной идеологии.

Джерард де Малинес был советником правительств Елизаветы и Якова I по вопросам монетарной политики и торговли и автором шести экономических трактатов. Трактат «*Ancient Law-Merchant*» был написан в кризисном 1622 году и посвящен Якову I. В посвящении автор отчетливо отразил новые тенденции трактовки теории общего блага. Король провозглашался не просто наместником Бога на земле, но по назначению свыше он сам объявлялся богом в соответствии с его трансцендентным священством и прерогативами в поддержании веры и правосудия¹⁸. Из этой части следует, что Малинес разделял *Kingdoms* (королевства) и *Commonweals*. Под последними он понимал республики. Таким образом, у Малинеса это понятие утратило значение, которое ему придавал в свое время Томас Смит, и правительство получало право на безоговорочное управление. В вводной части Малинес обосновывал долг каждого члена общества содействовать обще-

му благу (*common good*), которое понимал как экономическое благополучие и процветание. Необходимость взаимодействия он выводил не из обязанности христианина творить добро, а из слабости природы человека, который в отличие от животных не в силах противостоять в одиночку тяготам жизни¹⁹. Трактат был посвящен принципам и законам торговли, однако Малинес придавал проблеме регулирования бедности большое значение. Работа содержит много предложений по увеличению занятости населения в суконной промышленности, рыболовстве, горном деле, мореплавании, колонизации, смысл которых заключается в том, чтобы «приставить бедных к работе»²⁰.

Томас Ман был членом Совета директоров Ост-Индской Компании и участником правительственных комиссий 20-х годов XVII века по преодолению торговых кризисов. Его трактат «*England's Treasure by Forraign Trade*» был написан около 1630 года и имел целью обозначить преимущества и основные принципы заморской торговли для Англии. Ман посвятил это сочинение не вышестоящему лицу, а своему сыну, который, как он надеялся, станет купцом – подлинным «стюардом богатств королевства»²¹. Работа впервые увидела свет только в 1664 году. Поскольку Ман не стремился в ней доказать свою лояльность королевской власти, его рассуждения отражают истинную позицию автора. В отношении понимания общего блага взгляды Мана представляют разительный контраст с подходом Малинеса. Лучшими государственными устройствами в мире он считал современные ему республики – Венецию, Женеву, Нидерланды и т. п., а лучшим политическим учреждением Англии – парламент. В работе Мана *Commonwealth* представало почти в том же виде, в котором его сформулировал Т. Смит – как общество, в котором интересы подданных защищены и сбалансированы деятельностью представительного учреждения. Однако Ман поддерживал идею регулирующей роли государства. Обеспечение работой бедных он считал одной из важнейших задач государственной политики, и его работа также

содержала предложения по развитию сукноделия и торговли для увеличения занятости²².

Несмотря на амбивалентные трактовки общего блага, Малинес и Ман считали необходимым вмешательство государства в социально-экономическую сферу, в том числе для регулирования уровня бедности в стране. В то же время трактовка Т. Мана помогает понять, почему в Книге Приказов 1631 года, способствовавшей проведению в жизнь законодательства о бедных, Тайный Совет требовал от мировых судей и низших должностных лиц службы не для общей пользы (*public good*), как это формулировалось в приказах 20-х годов, а «общественной службы для Бога, Короля и Государства» (*for God, King and Commonwealth*). П. Слэк указывает, что прежняя формула была введена «в поисках широкого консенсуса»²³. Взгляды Мана подтверждают, что правительство возродило риторику общего блага, потому что высшие и средние слои общества по-прежнему готовы были апеллировать к политическим идеям Т. Смита.

В обосновании обязательного милосердия общее благо и регулирующая роль государства были тесно связаны с концепцией, трактовавшей государство как «политическое тело». Автор «*Discourse*» писал о том, что простой народ и бедняки являются столь же необходимыми членами тела, что и знать и богатые люди. Ни один из членов не должен ослабнуть, иначе государство превратится в «чудовище, которое имеет руки, но ему не достает ног»²⁴. Метафора «государство–тело» обрела особое звучание, когда рассматривалось положение королевской власти. Альтернативной моделью здесь могло выступать понятие «хаузхолда». В 1595 году в речи перед мировыми судьями

Мидлэнда Лорд-Хранитель уподобил королеву хорошей хозяйке хаузхолда, что больше соответствовало патернализму²⁵. Дж. де Малинес использовал обе метафоры. В работе 1601 года он представил английское общество в виде больного тела, разъедаемого язвой – социальным и экономическим ущербом, причиняемым нарушением торгового баланса и вывозом денег. В то же время он утверждал, что государство есть ничто иное, как большой хаузхолд или семья, а государь – отец этой семьи²⁶. Яков I в своей первой речи при открытии парламента в 1603 году развил тему государя как «великого Слуги общего блага» для людей всех рангов: «...Если мы возьмем весь народ как одно тело или массу, то тогда, как голова предписана для тела, а не тело для головы, так и благочестивый король должен осознавать, что он предписан для своего народа, а не люди для него...»²⁷. Концепция «политического тела» подтверждала роль короля как верховного арбитра и его право на очищение тела от болезней, каковой являлась нищета.

Официальная трактовка общего блага и представления средних и высших слоев английского общества включали в себя набор пересекающихся ценностных компонентов, которые способствовали позитивному восприятию прерогатив правительства по принуждению к милосердию в рамках законодательства о бедных. Тайный Совет, нуждаясь в поддержке, использовал политическую лексику, которая не только указывала на обязательство подчиняться законам и королю, но и апеллировала к гражданскому сознанию держателей должностей на местах. В вопросах социальной политики теория общего блага становилась полем для идеологического компромисса.

Примечания

¹ *Tawney R.H.* The Agrarian Problem in the Sixteenth Century. London, 1912. Ibid Religion and the Rise of Capitalism: A Historical Study. London, 1926.

² *Jordan W.K.* Philanthropy in England 1480–1660. London, 1959.

³ *Levine D., Wrightson K.* Poverty and Piety in an English Village: Terling, 1525–1700. N.-Y., 1979.

⁴ *Hindle St.* Power, Poor Relief, and Social Relations in Holland Fen, c. 1600–1800 // *The Historical Journal*. Vol. 41. 1998. № 1. P. 67–96; *Evans C.S.* An Echo of the Multitude: The Intersection of Governmental and Private Poverty Initiatives in Early Modern Exeter // *Albion: A Quarterly Journal with British Studies*. Vol. 32. 2000. № 3. P. 408–428; *Goose N.* The Rise and Decline of Philanthropy in Early Modern Colchester: The Unacceptable Face of Mercantilism? // *Social History*. Vol. 31. 2006. № 4. P. 469–487. В ряде случаев авторы пришли к отрицанию какого-либо существенного влияния идеологии на изменение отношения к бедным на местах. См., напр., *McIntosh M. K.* A Community Transformed: The Manor and Liberty of Havering, 1500–1620. Cambridge, 1991.

⁵ *Slack P.* Poverty and politics in Salisbury 1597–1666 // *Crisis and order in English towns, 1500–1700: Essays in Urban History* / ed. by P. Clark and P. Slack. London; Toronto, 1972. P. 164–203. Idem. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. London, 1988.

⁶ Idem. From Reformation to Improvement: Public Welfare in Early Modern England. Oxford, 1999.

⁷ *Jütte R.* Poverty and Deviance in Early Modern England. Cambridge, 1994. P. 197.

⁸ *Allen W.A.* A History of Political Thought in the 16th Century. London, 1951. P. 139.

⁹ *Манзейм К.* Утопия и идеология // *Диагноз нашего времени*. М., 1994. С. 55–56.

¹⁰ *Archer I.W.* The Pursuit of Stability: Social Relations in Elizabethan London. Cambridge, 1991. P. 259. *Hindle S.* Dearth, Fasting and Alms: The Campaign for General Hospitality in Late Elizabethan England // *Past and Present*. 2001. № 172. P. 45–46.

¹¹ *Slack P.* From Reformation to Improvement... P. 74, 75–76.

¹² *A Discourse of the Common Weal of This Realm of England*. Cambridge, 1929. P. 57–58.

¹³ *Ibid.* P. 14–15.

¹⁴ *Ibid.* P. 14, 52, 67.

¹⁵ *Hales J.* The Defence of John Hales Aynst Certeyn Sclaundres and False Reapertes Made of Hym // *A Discourse...* P. lx, lxii.

¹⁶ *Ibid.* P. lxi–lxii.

¹⁷ *Smith Th.* *De Republica Anglorum*. Cambridge, 1906. P. 10–11, 16–17, 20.

¹⁸ *Malynes J. de.* *Consuetudo, vel, Lex Mercatoria: or, The Ancient Law-Merchant*. In Three Parts, according to the Essentials of Traffick. Necessary for Statesmen, judges, Magistrates, Temporal and Civil Lawyers, Mint-men, Merchants, Mariners, and all Others Negotiating in any Parts of the World. London, 1686. The Epistle Dedicatory. A 3.

¹⁹ *Ibid.* P. 1.

²⁰ *Ibid.* P. 41, 73, 150, 162, 164, 170–174, 183, 187, 194, 225, 228–229, 232–234, 236, 238, 297, 300, 323.

²¹ *Mun Th.* *England's Treasure by Forraign Trade, or The balance of Our Forraign Trade Is the Rule of our Treasure*. London, 1664. P. 2.

²² *Ibid.* P. 85–86, 100, 119.

²³ *Slack P.* From Reformation to Improvement... P. 75–76.

²⁴ *A Discourse of the Common Weal...* P. 60–61.

²⁵ *Leonard M.E.* *The Early History of English Poor Relief*. London, 1900. P. 119–120.

²⁶ *Malynes G. de.* *A Treatise of the Canker of England's Common Wealth*. London, 1601. P. 2.

²⁷ *The Political Works of James I* / ed. by C.H. McIlwain. London, 1918. P. 272.

Salamatova Olga Valeryevna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

THE COMMON WEALTH THEORY IN THE IDEOLOGICAL CONTEXT OF THE OLD POOR LAW OF 1601

The article deals with the common wealth theory as one of the ideological grounds for the implementation of the English Poor Law of 1601. Analysis of the works of the 16th and the first half of the 17th centuries shows that the regulatory role of the state in the social sphere was generally recognized by the

authors and reveals stability of the traditional interpretation of common wealth under the rise of the royal prerogative. In order to pass the law, the Early Stuart government had to resort to alternative common wealth conceptions in the crisis periods. The author finds that the common wealth theory became a field of ideological compromise in the sphere of social policy.

Key words: *England, ideology, common wealth theory, poverty, social policy.*

*Контактная информация:
e-mail: saolva@rambler.ru*

Рецензент – *Репневский А.В.*, доктор исторических наук, профессор, директор Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова